

© А.Г. ИВАНОВ

*Тюменский государственный университет
decartus@rambler.ru*

УДК 130.122:165.24:159.954

«СОКРОВЕННОЕ В НЕДРАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ ИСКУССТВО»: НАЧАЛО КОНЦЕПТА ВОООБРАЖЕНИЯ

«AN ART, HIDDEN IN THE DEPTHS OF THE HUMAN SOUL»: THE BEGINNING OF THE CONCEPT OF IMAGINATION

АННОТАЦИЯ. Предпосылкой подхода, реализованного в данной статье, выступает понимание воображения как категории, имеющей отношение к онтологии культуры. В этом ключе воображение есть концепт, создаваемый человеком для понимания самого себя. Началом и источником осмысления воображения мы считаем теорию воображения, изложенную в «Критике чистого разума» И. Канта. Несмотря на разночтения двух изданий «Критики чистого разума», мы можем выделить в теории Канта ряд характеристик воображения, имеющих значение для последующих интерпретаций. Это априорность, трансцендентальность, спонтанность, синтетичность, схематичность, продуктивность и парадоксальность. Рассмотрение воображения в «Критике способности суждения» ставит вопрос о взаимодействии всех способностей, границы между которыми оказываются размыты. В XIX-XX вв. проблема соотношения способностей вылилась в проблему соотношения дискурсов. В дальнейшем необходимо рассмотреть интерпретации характеристик воображения, которые были даны в культуре современности.

SUMMARY. The precondition of the approach implemented in this article is the understanding of the imagination as a category relevant to the ontology of culture. In this context, the imagination is a concept created by humans for self-understanding. The author of the article considers the theory of imagination, expressed in the Critique of Pure Reason by I. Kant, to be the beginning and the source of interpretation of imagination. Despite the discrepancy of the two editions of the Critique of Pure Reason, we can distinguish in Kant's theory of imagination the number of characteristics relevant to the subsequent interpretations. They are apriority, transcendentality, spontaneity, synthetical character, schematism, productivity and paradoxicality. Consideration of the imagination in the Critique of Judgment raises the problem of interaction of all abilities, the boundaries between which are blurred. In the 19th-20th centuries, the problem of abilities correlation resulted in the problem of discourses relation. In future, it is necessary to consider the interpretation of the characteristics of imagination, which were demonstrated in modern culture.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Воображение, концепт, культура.

KEY WORDS. Imagination, concept, culture.

Традиционно исследование воображения может быть вписано в гносеологический контекст как «способность сознания», и в контекст онтологический, в виде своего результата — «воображаемого», понятого в нем преимущественно как «фиктивное», «нереальное». Однако общий поворот философии XX в. к человеку обусловил и необходимость понимания воображения в качестве именно онтологической категории [1; 71-72], имеющей значение для онтологии культуры и экзистенциальной онтологии. Предельно упрощая, можно сказать, что хоть воображаемое может быть суть и «нереальное» для классической онтологии, оно есть самое реальное для онтологии культуры, так как именно посредством воображения в его разных формах человек строит свой мир, который уже никак нельзя назвать фиктивным. Такое понимание одновременно и упростило постановку вопроса о воображении и воображаемом, так как устранило дилемму реальное/нереальное (субъективное/объективное; природное/духовное) из предметной области исследования, так и усложнило, ибо связало ее с непосредственной жизненной активностью индивидов и сообществ, с их историей и с эволюцией их представлений о самих себе и о мире. И вне этой «связанности человеком», по нашему мнению, нет никакой проблемы «воображения вообще», но человек пытается понять воображение затем, чтобы понять себя, действующего с его помощью, понять историю как способ выражения своей активности, понять границы и рамки своего участия в деле изменения мира.

«Онтология воображения», в соответствии с нашим пониманием, всегда остается открытой, требуя своих уточнений, требуя того, чтобы «воображение» было «перевозображено» заново, настолько, насколько это необходимо в зависимости от ситуации. Воображение, понятое таким образом, есть перевосоздаваемый концепт, имеющий основание в уникальной жизненной ситуации, в которой обнаруживает себя человек или сообщество [2]. Было бы неверным считать процесс этого «перевозображения» абсолютно произвольным, так как он наполняется культурно значимыми смыслами и значениями, ограничен уже имеющимися и сложившимися концептами, среди которых на первом месте, — не только хронологически, но и «по весу» в культуре, — находится теория воображения, представленная в «Критике чистого разума» И. Канта. Имеет смысл понять кантовскую концепцию как начало и смысловой исток того динамического концепта воображения, что мы имеем в настоящее время.

Воображение рассматривается Кантом как одна из основных трансцендентальных и априорных способностей, наряду с чувственностью и рассудком. В «Критике чистого разума» воображение, — рассмотренное в связи с вопросом о возможности познания, — есть основание синтеза многообразия, как в отношении эмпирических данных, так и априорных. «Синтез вообще, — пишет Кант, — есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души; без этой деятельности мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко сознаем ее в себе» [3; 105]. Сам этот всеобщий синтез мыслится Кантом как нечто, строго говоря, немислимое, чье наличие мы видим только в форме остаточного следа. Это происходит из-за пограничного положения воображения между чувственностью и рассудком в процессе познания. Специфика воображения как одновременно и эмпирической и априорной способности схватывается в термине «фигурный синтез» (*synthesis speciosa*)

[3; 152] и поясняется положениями о схематизме чистых понятий рассудка. Схема — это то, что соединяет понятия рассудка с феноменами чувственности. Схема дает обобщенное знание (понятие) как объект некоего квазинаблюдения, то есть как все же нечто чувственное. «Понятие собаки обозначает правило, согласно которому моя способность воображения может нарисовать форму четвероногого животного в общем виде, не ограничиваясь каким-либо единичным частным образом из сферы моего опыта или вообще каким бы то ни было возможным конкретным образом» [3; 171]. Этот схематизирующий акт, протекающий, по Канту, при подчинении категориям рассудка («...только воображение схематизирует. Но схематизирует оно лишь тогда, когда рассудок главенствует» [4; 163]), как бы обналичивает чувственно то, что исходно таковым не дается, и, посредством этого, делает нечто вообще познаваемым. Кант предлагает также отличать схему от образа, показывая тем не менее их взаимосвязь. Схема сама по себе только мыслима, но способна разворачиваться рядом взаимоувязанных образов. Так, если бы я мыслил последовательность пяти точек, то это образ, но если бы я мыслил число вообще как способ соединения множества, то это схема. И образ, и схема есть продукты способности воображения, в первом случае — эмпирической (репродуктивное воображение), во втором — априорной (продуктивное воображение). То, что воображение вообще способно схематизировать, циркулируя между своими краями (рассудочная структура и чувственное многообразие), представляет, по Канту, «сокровенное в недрах человеческой души искусство» [3; 171].

Таким образом, соединяя чувственность и рассудок, воображение само не совпадает ни с тем, ни с другим; действие воображения мыслимо только в уже осуществленных им синтезах (схемы и образы), то есть как либо «через рассудок», либо «через чувственность». Само по себе воображение немислимо, слепо, бессознательно. Но поскольку для Канта основным был вопрос о том, как возможен предмет познания, а не о том, как вообще протекает процесс мышления, постольку таинственность воображения остается фигурой умолчания. Возможно, что эти принципиальные в отношении рассмотрения воображения неясности и обусловили как расхождения в первом и втором издании «Критики чистого разума», так и последующие ревизии кантовского понятия «воображение».

Действительно, в тех параграфах «Дедукции чистых понятий рассудка», которые не вошли во второе издание, дело с воображением обстоит несколько сложнее. Здесь излагается, воссоздается сам процесс мышления, приводящий к признанию категорий рассудка как законодательной инстанции. «Есть три субъективных источника знания, — поясняет Кант, — чувство, способность воображения и апперцепция» [3; 133]. Воображение здесь оказывается центральной синтетической способностью, первичной по отношению к апперцепции, к чувству и к рассудку. Сначала Кант идет к рассудку от принципа единства апперцепции. Единство апперцепции само имеет синтетический характер, и «трансцендентальное единство апперцепции относится к чистому синтезу способности воображения как к априорному условию возможности всякого сочетания многообразия в одном знании <...> Следовательно, принцип необходимого единства чистого (продуктивного) синтеза способности воображения до апперцепции составляет основание возможности всякого знания, в особенности,

опыта» [3; 136]. Далее Кант приводит к рассудку, который есть «единство апперцепции в отношении к синтезу способности воображения» [3; 136].

Следующий шаг состоит для Канта в том, чтобы достигнуть рассудка от чувственной эмпирической стороны явлений. Поскольку сами по себе «восприятия встречаются в душе рассеянно» [3; 137], то необходима постоянно действующая способность, благодаря которой мы вообще почти никогда не встречаемся в своем восприятии с хаосом. Это способность воображения как синтез многообразия, обеспеченный единством аппергензии (схватывания), воспроизводства (создание рядов представлений) и ассоциации. Эти пронизывающие любое восприятие акты-ступени воображения имеют субъективный и эмпирический характер. Но раньше этих эмпирических законов лежит объективное основание — сродство явлений. В свою очередь, все явления сродны благодаря единству апперцепции, но это было бы невозможно без «синтетического единства в их сочетании, которое, следовательно, имеет также объективно необходимый характер» [3; 138]. Таким образом, «только посредством этой трансцендентальной функции воображения становится возможным даже сродство явлений, а вместе с ним ассоциация их и, наконец, при ее помощи воспроизведение их согласно законам, следовательно, и сам опыт» [3; 139]. Но, и сейчас Кант подчеркивает это более ясно, «апперцепция должна присоединяться к чистой способности воображения, чтобы придавать ее функции интеллектуальный характер» [3; 139]. Понятия рассудка возникают как результат отношения единства апперцепции к многообразию.

Таким образом, слепая челночная деятельность воображения, соединяющая рассудок и чувственность, — «чувственность и рассудок необходимо должны соединяться друг с другом при помощи этой трансцендентальной функции способности воображения, так как в противном случае чувственность, правда, производила бы явления, но вовсе не давала бы предметов эмпирического знания, следовательно, не давала бы никакого опыта» [3; 139], — понимается как «основная способность человеческой души, лежащая в основании всех априорных знаний» [3; 139].

В действительном познавательном процессе воображение необходимо подчиняется понятиям рассудка, и любой акт познания имеет дело с этими категориями как с чем-то уже данным и очевидным, в связи с чем становится не совсем ясно, в чем на самом деле проявляется «основополагающая» сила воображения. «Созидательная деятельность воображения, — пишет А. Гулыга, — обусловлена, во-первых, готовыми конструкциями (категориями), а во-вторых, наличным строительным материалом — эмпирическими данными. Именно поэтому воображение возводит не воздушный замок, а прочное здание науки» [5; 58]. Также ясно и то, что для любой деятельности возведение к столь сомнительному основанию становится проблемой, ведь «с помощью способности воображения нельзя обосновать ни теоретическое знание, ни нравственное поведение человека» [6; 261]. То есть, после обоснования рассудка в качестве законодательной инстанции, воображение исключается из рассмотрения гносеологического устройства субъекта. Для Канта эта методическая элиминация воображения была вопросом принципа. В своем письме к А.М. Белосельскому Кант писал о способности воображения: «когда оно не повинует больше разуму, да еще силится поработить его, человек выпадает из сословия (сферы) человечества, низвергаясь в сферу безрассудства или безумия» [5; 99].

Итак, уже сейчас можно выделить следующие принципиальные характеристики воображения: *априорность, трансцендентальность, спонтанность, синтетичность, схематичность, продуктивность*. На наш взгляд, логично выделить в качестве одной из основных характеристик воображения и его *парадоксальность*, выражающуюся в его неуловимом характере. Также, — и это касается в основном исключенных из второго издания параграфов, — воображение рассматривается Кантом как *фундаментальное спонтанное конституирование* опыта, являющееся первичной возможностью для появления принципа единства самосознания. «Слепота» воображения ограничивается путем присоединения к нему принципа самосознания, результатом чего становится рассудок — осознанная спонтанность. Проще говоря, рассудок появляется тогда, когда воображение становится «моим» воображением, с которым я имею дело как с моим волеизъявлением и моим самоопределением.

«Критика способности суждения», ограничивая действие воображения областью эстетического, на деле ничего не прибавляет к тем онтологическим характеристикам воображения, что уже ранее были высказаны в первой «Критике». Гений, реализующий игровой принцип свободной игры всех способностей, создающий нечто новое и оригинальное, действует только в искусстве, становясь своеобразным регулятивным принципом для эстетической деятельности. Только здесь, строго говоря, и возможно такое сознательное применение воображения, которое при этом не будет рассудочным схематизированием, то есть будет творческим. В искусстве, в эстетической деятельности воображение не подчиняется рассудку, но как бы примиряется с ним. Воображение, действующее в искусстве в форме гения, сродственно продуктивной силе природы. «Таким образом, совершилась в кантовской философии связь рационального и иррационального при помощи тщательного разделения и их резкого разобщения в понятии; в противоположность этому их примирение, их полное соединение в образе и созерцании мы видим в классической поэзии» [7; 304]. Эти строки Виндельбанта подчеркивают и двойственность самого кантовского философствования: поздний Кант объединяет то, что прежде тщательно разделял. Но не прибавляя к концепту воображения самого по себе ничего нового, Кант в третьей «Критике» меняет саму постановку вопроса. Слепой медиум способностей, каким представлялось воображение ранее, здесь оказывается имеющим свою предметную сферу и свою, соответствующую себе форму выражения — искусство. Воображение здесь в дополнение к своим гносеологическим и онтологическим характеристикам получает характеристику культурологическую — оно привязывается к строго определенному дискурсу, становясь действительным. Но не значит ли это, что искусство способно выполнять в пространстве культуры ту же роль, что воображение играет в пространстве «чистого разума»? Сам Кант не ставил вопрос таким образом, но «Критика способности суждения» поставила проблему взаимоотношения и согласования способностей, которые в этом произведении, по словам Делеза, «выходят за свои пределы, за те самые пределы, которые Кант столь тщательно фиксировал в своих книгах зрелой поры» [8; 10]. Синтез автономизированных и неясно скоординированных способностей становится одной из наиболее важных задач европейской философии. Стоит отметить, что для XX в. вопрос о соотношении способностей не менее значим; он возрождается в дилеммах разум/существование, монолог/диалог,

конституция/креация и многих других. Однако для посткантовской романтической философии, а также для философии неклассической и постнеклассической этот вопрос взаимосогласия или диссонанса способностей ставится также и в ином, социокультурном ключе, а именно как проблема взаимодействия дискурсов: искусства и философии, философии и науки, науки и морали, морали и искусства, теории искусства и практики искусства и т.п. Исходные, взятые из кантовской постановки вопроса, характеристики воображения начинают изменяться, усложняться, вытягиваться в линии и сплетаться в сети, образуя тот всеобщий семейственный контекст, который мы полагаем для себя исходным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каган М.С. Воображение как онтологическая категория // Виртуальное пространство культуры. М-лы науч. конф. СПб., 11-13 апреля 2000 г. СПб., 2000. С. 71-74.
2. Иванов А.Г. Методологическое введение в исследование концепта воображения // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 5. С. 192-196.
3. Кант И. Критика чистого разума. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 672 с.
4. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕРСЭ, 2001. 480 с.
5. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рольф, 2001. 416 с.
6. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
7. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. 687 с.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

REFERENCES

1. Kagan, M.S. Imagination as an ontological category / In: *Virtual'noe prostranstvo kul'tury. M-ly nauch. konf. SPb., 11-13 aprelia 2000 g.* [Virtual space of a culture. Proceedings of the conference. Saint Petersburg. April 2000]. St-Petersburg, 2000. Pp. 71-74. (in Russian).
2. Ivanov, A.G. Methodological introduction to the research of imagination concept. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2010. № 5. Pp. 192-196. (in Russian).
3. Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Rostov-on-Don, 1999. 672 p. (in Russian).
4. Deleuze, G. *Empirizm i sub»ektivnost': opyt o chelovecheskoi prirode po Iumu. Kriticheskaia filosofiia Kanta: uchenie o sposobnostiakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and subjectivity: the experience of human nature according to Hume. Critical philosophy of Kant's doctrine of the faculties. Bergsonism. Spinoza]. Moscow, 2001. 480 p. (in Russian).
5. Gulyga, A.V. *Nemetskaia klassicheskaia filosofiia. 2-e izd., ispr. i dop.* [German classical philosophy. 2nd ed.]. Moscow, 2001. 416 p. (in Russian).
6. Gaidenko, P.P. *Proryv k transsendentnomu: Novaia ontologiia XX veka* [Breakthrough to the transcendent: New ontology of the 20th century]. Moscow, 1997. 495 p. (in Russian).
7. Windelband, W. *Izbrannoe: Duh i istoriia* [Selection: the spirit and history]. Moscow, 1995. 687 p. (in Russian).
8. Deleuze, G., Guattari F. *Chto takoe filosofiia?* [What is philosophy?]. Moscow, St-Petersburg, 1998. 288 p. (in Russian).

Автор публикации

Иванов Алексей Геннадьевич — доцент кафедры философии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, кандидат философских наук

Author of the publication

Alexey G. Ivanov — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Philosophy, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University